

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

REGIONAL HISTORICAL AND CULTURAL STUDIES

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
СТАТЬЯ

FULL ARTICLE

ИППОЛИТОВ Сергей Сергеевич

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российского
научно-исследовательского института природного
и культурного наследия имени Д. С. Лихачева;
Российская государственная академия интеллектуальной собственности;
Государственный научно-исследовательский институт реставрации;
Москва, Российская Федерация

Sergey S. IPPOLITOV

Dr. Sci. (National History),

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Russian State Academy of Intellectual Property;
State Research Institute for Restoration;
Moscow, Russian Federation

nivestnik@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3564-4271

УДК: 327.83:[78+79]: 331.102.312(574)
ГРНТИ: 13.11.46
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.006

**Творческий сектор Казахстана
через призму геополитики:
«мягкая сила»
культурного наследия**

**The Creative Sector of Kazakhstan
through the Prism of Geopolitics:
The Soft Power of Cultural Heritage**

В статье исследуется феномен «мягкой силы» мировых игроков, использующих креативный сектор Казахстана для насаждения собственной политической повестки, направленной на расторжение вековых культурных и исторических связей Казахстана с его соседями, в первую очередь, с Российской Федерацией. Источниковую базу исследования составили: открытая информация иностранных агентов влияния, осуществляющих деятельность на территории Казахстана, нормативные акты республики, публикации казахстанских ученых, данные национальных рейтинговых агентств Казахстана, российские статистические источники. Исследованы методы, широко используемые в ментальном противостоянии ведущих держав: внедрение в публичную сферу чуждых традиционной казахской культуре нарративов, попытки дискре-

дитации общей истории и культурного наследия, насаждение в молодежной среде деструктивных практик, образов и этических установок через подконтрольные инструменты индустрии развлечений.

Ключевые слова: государственная культурная политика, творческие индустрии, культурное наследие, «мягкая сила», Казахстан, Германия, США, Япония, Китай, «Пояс и путь».

Последние десятилетия в общественно-политическом дискурсе ведущих мировых держав все чаще звучит термин «мягкая сила» в качестве определения алгоритма действий по навязыванию собственных интересов остальному миру без прямого использования вооруженных сил. Обманчивая и успокаивающая коннотация слова «мягкая» в этом определении не должна вводить в заблуждение: инструментарий «мягкой силы» весьма обширен и включает в себя отнюдь не только «образовательные и научные проекты», но и вполне «жесткую» дестабилизацию общественной жизни государств, которым «не посчастливилось» оказаться на «острие атаки». Особенно много примеров подобного воздействия можно наблюдать на постсоветском пространстве, где «мягкая сила» «западных партнеров» неоднократно приводила государства к трагическим последствиям. Исследование этих процессов показывает, что внедрение дестабилизирующих общество нарративов, как правило, начиналось с атаки на культурное наследие стран-объектов, когда традиционные национальные духовные ценности умышленно девальвировались, опошлялись, размывались целенаправленной пропагандой. Роль творческих индустрий в этом процессе каждый раз становилась определяющей: именно с помощью креативного инструментария развлекательной сферы внешним акторам удавалось внедрять в общественное сознание требуемые нарративы. Трагические события на Украине — наглядный тому пример. Объект настоящего исследования — креативный сектор другой постсоветской республики — Казахстана, где сегодня активно внедряются аналогичные «мягкие» технологии.

Исследование развития и функционирования творческих индустрий Республики Казахстан будет неполным без выявления и анализа внешних и внутренних социально-

политических и социально-экономических факторов, оказывающих воздействие на креативную отрасль этой среднеазиатской страны. Корпус материалов такого исследования формируется на основе использования открытых информационных источников иностранных агентов влияния, действующих на территории Республики Казахстан, нормативной правовой документации органов государственной власти Казахстана, опубликованных результатов исследований казахстанских ученых, сведений рейтинговых агентств, а также российских статистических источников. При этом методологический инструментарий складывался с учетом возможностей структурно-функционального подхода, рассматривающего «мягкую силу» как целостную систему, обладающую определенным комплексом параметров и функций, а также институционального подхода, благодаря которому выявляются и описываются основные акторы, участвующие в формировании различных стратегий «мягкой силы» и анализируется их значение в аспекте реализации этих стратегий.

Сфера культуры, исторического и культурного наследия, креативной экономики и общественно-политического дискурса на постсоветском пространстве всегда являлись объектом активного воздействия многих заинтересованных сторон из ближнего и дальнего зарубежья. Креативная индустрия — неотъемлемая часть понятия «мягкая сила» — представляет собой чрезвычайно удобный инструмент реализации внешней политики для целого ряда мировых держав в силу своей открытости инновациям, вовлеченности в процесс формирования умонастроений общества и легкой «вхожести» в каждый дом посредством индустрии развлечений. Креативная сфера Казахстана представляет в этом смысле крайне удобный объект для

влияния западной политической мысли. Раствующие в последнее десятилетие националистические настроения, стремление на этом фоне разорвать культурные, научные, интеллектуальные связи с Российской Федерацией, заметное культурное обособление Казахстана в парадигме отторжения советского и российского культурного наследия — эти и сопутствующие процессы находят активную поддержку со стороны субъектов «мягкой силы» западных и восточных правительств [1] [2] [5] [12] [18] [19] [20] [29]. При этом многие исследователи справедливо отмечают, что упомянутое давление «мягкой силы» на страны региона в значительной степени является проекцией геополитического противостояния стран западного мира, с одной стороны, Китая и Российской Федерации — с другой [27].

Современные исследователи предлагают оценивать методологически размытую категорию «мягкой силы» по четырем основным формальным параметрам: политика, экономика, культура и социум [10]. В той или иной степени творческие индустрии являются неотъемлемой частью каждого из этих параметров: политические нарративы внедряются в общество посредством творческого инструментария, креативный сектор формирует заметную долю ВВП страны, культура и социум связаны с творческими индустриями непосредственно, являясь ментальным источником их существования. По названным причинам действующая в современной науке методология изучения и оценки «мягкой силы» государств при осуществлении ими своей внешней политики может быть использована при исследовании особенностей творческой сферы тех или иных государств. Более того, само явление «мягкой силы» может быть истолковано и рассматриваться в качестве элемента креативной индустрии тех государств, которые проецируют свои интересы и влияние во вне, а степень суверенности объектов их воздействия можно оценивать по величине доли «чужой» индустрии развлечений в ментальном общественном пространстве.

Так, автор исследования «Прикладной анализ влияния на Казахстан политики “мягкой силы” США, РФ и КНР» на основе статистического анализа модели изучения «мягкой

силы» трех названных государств по параметру «культурно-цивилизационные ценности» оценил значение «soft power» Российской Федерации в Казахстане в 554,5 балла; США — в 87,1 балла, КНР — в 35,3 балла [14]. В этой условной балльной системе оценки культурно-цивилизационных ценностей учитывалась распространенность языка субъекта «мягкой силы» на территории Казахстана, средств массовой информации, образования, науки. Такую оптимистичную оценку «мягкой силы» Российской Федерации обеспечил русский язык, которым владеют и на котором свободно общается подавляющее большинство жителей республики. Свою положительную роль сыграло и российское образование, широко представленное в Казахстане. Если же более внимательно отнестись к исследованию иностранного влияния на казахстанское общество, то полученный результат будет не столь вдохновляющим: за период с 2012 по 2014 гг. абсолютным лидером в кинопрокате был кинематограф США, примерно в 4 раза опережая российский кинематограф и в 8 раз — кинематограф китайский. В среднем в указанный период в Республике Казахстан в год на экраны выходило 156 американских, 49 российских и 13 китайских художественных фильмов [14], что свидетельствует о почти тотальном превосходстве американской массовой культуры в индустрии развлечений Казахстана.

Контроль за развитием творческих индустрий среднеазиатского региона вообще и Казахстана в частности становится в этом контексте крайне важным и удобным инструментом политического влияния. И целенаправленные действия в этом направлении предпринимаются достаточно активно. Так, в ноябре 2017 г. состоялся международный форум «Креативная Центральная Азия», целью которого было заявлено «построение влиятельной и вовлеченной лидерской сети посредством проведения серии международных ежегодных конференций и создания новых партнерств, и совместной работы с Великобританией для развития “новых экономик” в регионе Центральной Азии» (Цит. по: [22]). Организатором мероприятия выступил British Council — Британский Совет, структура, декларирующая «развитие сотрудничества в обла-

сти образования, культуры и искусства между Великобританией и другими странами» [6]. Данная организация на треть финансируется Министерством иностранных дел Великобритании, по заявлениям бывших сотрудников, в состав British Council входят агенты британской разведки [30]. (В Российской Федерации деятельность Британского Совета была прекращена 17 марта 2018 г.) По утверждению казахстанских источников, «в первом Форуме “Креативная Центральная Азия” приняли участие 800 лидеров из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана и Великобритании, представляющих различные государственные органы, частный сектор и гражданское общество. Лидеры креативного сектора активно участвовали в дискуссиях, способствовавших построению новых отношений и планированию будущей совместной работы». По заверениям организаторов, не менее ста тысяч человек наблюдали за прямой трансляцией форума онлайн [22].

Другой иностранной организацией с государственным финансированием, занимающей заметное место в сфере творческих индустрий Казахстана, является Goethe Institut — Институт Гёте, германская неправительственная организация, пропагандирующая «международное культурное сотрудничество и популяризацию немецкого языка» [23]. Goethe Institut занимается организацией всевозможных массовых мероприятий в различных сегментах творческих индустрий: от джазовых концертов до дизайна городской среды. Так, Институт Гёте реализует в Казахстане программу «Культура в движении», проект «Городские уголки», онлайн-конкурс по культурному менеджменту «Менеджмент в сфере искусства», молодежный театральный фестиваль «Немецкий язык на сцене», фестиваль современной музыки «Made in Germany — Eegeru connect», конкурс «Рэп на немецком», финансирует молодежный лофт-центр Deroe Evolution Park, где работают коворкинг-центры молодых художников, и целый ряд других [22, с. 97].

Как и сто лет назад, сегодня одним из важнейших искусств по-прежнему остается кино. В ста тридцати шести отделениях Goethe Institut, учрежденных по всему миру, ежегодно проводится более двух тысяч кинопоказов —

от архивных немых кинолент до современной германской кинопродукции. Киносеансы часто проводятся в университетах, а в некоторых странах — в специально оборудованных автобусах и даже поездах, как например в Марокко или Индонезии [17].

Среди других областей креативной индустрии, находящихся в сфере активной деятельности Института Гёте, — музыкальное и танцевальное искусство, радиовещание, телевидение, образование, театр, литература.

Самым сильным игроком после Российской Федерации на рынке творческих индустрий Республики Казахстан являются США. До середины 2010-х гг. Соединенные Штаты не рассматривали Казахстан в качестве приоритетного региона проецирования своей «мягкой силы» — их присутствие на среднеазиатском креативном рынке определялось общей внешнеполитической доктриной распространения так называемых «американских ценностей и демократии» в собственных национальных интересах. Ситуация резко изменилась в 2014 г., с началом создания антироссийской западной коалиции, когда ближайшие союзники Российской Федерации стали подвергаться усиленному давлению с целью их геополитического отторжения от единого с Россией евразийского пути развития. Роль культуры вообще и творческих индустрий в частности начала становиться все более значимой, разрушение общего историко-культурного наследия и единого ментального пространства России и Казахстана стало одной из приоритетных задач внешней политики США. Следует отметить, что Соединенные Штаты обладают для достижения своих целей в Казахстане существенным инструментарием в виде развитой системы подконтрольных средств массовой информации. На территории Казахстана ведут вещание девятнадцать американских кабельных телеканалов, среди которых Nickelodeon, MTV, Bloomberg TV и ряд других. Некоторая часть каналов была закрыта после ужесточения казахстанского законодательства о телерадиовещании в 2018 г. [14, с. 57]

При этом следует учесть, что распространенность интернет-ТВ среди жителей Казахстана достигает 49%. Прогнозируемо наиболее популярен этот способ вещания среди

молодой аудитории (15–17 лет), здесь он составляет 72%; в аудитории 18–34 лет — 74%; в аудитории 35–54 лет отмечается падение до 58%. У зрителей старшего возраста после 55 лет интернет-ТВ занимает нишу в 25% (по данным казахстанского портала PROFIT.kz) [26]. Очевидно, что молодежь является наиболее активным потребителем американского креативного продукта, имея соответствующие культурные предпочтения и технические навыки.

Вместе с тем в сфере распространения социальных сетей в Казахстане лидирует российская VKontakte (данные с 2013 по 2019 гг.): ее предпочитает в пять раз больше пользователей, нежели американскую соцсеть Facebook. Наиболее популярная социальная сеть Китая Qzone в Казахстане интересом не пользуется [14, с. 59].

Политику США по ментальному освоению постсоветского пространства активно проводит фонд «Сорос-Казахстан», имеющий свои опорные пункты в Астане, Караганде, Шимкенте и Актобе. При поддержке этого фонда созданы молодежные центры «Білім-Центральная Азия», «Step by Step», Центр современного искусства, Волонтерский дом, Национальный дебатный центр, Языковая школа, Центр демократического образования [3].

Заметное влияние на индустрию развлечений Республики Казахстан оказывает культурная политика Японии. Это влияние в настоящий момент не может перевесить воздействия на творческую сферу региона таких игроков, как Российская Федерация, Великобритания, США или Китай. Однако роль японских креативных технологий, нацеленных на ментальное и культурное завоевание центрально-азиатского региона, нельзя недооценивать. Популяризация традиционных культурных ценностей и исторического наследия, на которой многие десятилетия строилась внешняя культурная экспансия Японии, в последнее время сменилась новым трендом. «Сдувание» японского финансового пузыря и экономическая стагнация вынуждают политические круги смещать акцент с традиционного имиджа Японии как экономически мощной державы с богатой историей и тради-

циями на продвижение массовой поп-культуры с весьма сомнительными нравственными и этическими стандартами. Так, некоторые исследователи отмечают, что «в условиях весьма непростого экономического положения и туманных перспектив дальнейшего развития Японии японский истеблишмент пришел к выводу о необходимости способствовать внешней экспансии своих предприятий малого и среднего бизнеса, работающих в так называемых творческих отраслях, к которым принято относить рекламу, архитектуру, искусство, промыслы, дизайн, моду, видеопroduкцию, игры, музыку, шоу-бизнес, издательский бизнес, создание программного обеспечения и его обслуживание, радио и телевидение, производство мебели, столовых принадлежностей, ювелирных изделий, продуктов питания, туристические услуги» [16, с. 202].

Наметившуюся тенденцию достаточно емко сформулировал бывший министр иностранных дел Японии Т.Асо: «Мы живем в эпоху, когда на национальную дипломатию оказывает большое влияние общественное мнение, формируемое обычными людьми. Поэтому мы хотим, чтобы поп-культура, которая весьма эффективна в воздействии на массовую публику, была бы нашим дипломатическим союзником» (Цит. по: [9, с. 38]).

Сегодня в Центральной Азии действует четыре совместных Центра развития человеческих ресурсов (которые также часто называют Японскими центрами). С августа 2002 г. аналогичный Центр открылся в Казахстане с отделений в Алма-Ате и Астане [9, с. 40].

Американский журналист Мак Грэй, исследовавший японскую молодежную культуру и роль манги, анимэ, моды, кино, электроники, архитектуры, кухни, отмечал, что японские экономические проблемы в известном смысле способствовали развитию креативной сферы. По статистике Министерства экономики, торговли и промышленности Японии, японский рынок творческих индустрий составляет 7% ВВП страны и формирует 5% рабочих мест в экономике [16, с. 203]. И значительная часть продукции японских творческих индустрий предназначена на экспорт, где новые жанры анимации, кинематографа, дизайна и других креативных сфер экономики пользуются все

большим интересом, главным образом — в молодежной среде.

Проблема влияния современной Японии на ближайших соседей и традиционных союзников Российской Федерации приобрела особую актуальность в последние годы. Агрессивные заявления политиков, незаконные экономические рестрикции в отношении нашей страны требуют не только экономического и дипломатического ответов, но и соответствующей осмысленной государственной культурной политики в пространстве творческих индустрий дружественных стран, где современные деструктивные технологии в сфере индустрии развлечений оказывают разрушающее воздействие не только на национальную культуру центрально-азиатского региона, но и ведут к фрагментации единого евразийского культурного пространства, базирующегося на общности исторического и культурного наследия.

Научная общественность Республики Казахстан отчасти понимает опасность подобного культурного и интеллектуального воздействия на молодежь через внедрение чуждых культурных нарративов в сферу индустрии развлечений. Однако специализированных трудов по названной острой проблеме на удивление мало: в частности, нам удалось обнаружить лишь одну научную статью, автор которой заявил о попытке исследования воздействия японской анимации на подрастающее поколение Казахстана. К сожалению, предпринятая попытка оказалась не совсем удачной: автор процитировал значительное количество нормативных актов, призванных оградить казахстанскую молодежь от опасного воздействия деструктивных технологий в креативной индустрии, но обещанного в заглавии изучения влияния феномена японского аниме на психику молодых людей в статье не обнаруживается. Вместе с тем автор привел в исследовании весьма полезную классификацию наиболее распространенных жанров японской анимации, пользующихся повышенным интересом у детей и подростков. Среди таковых аниме, тематическая направленность которых связана с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений и педофилии [2, с. 46].

Из приведенной автором классификации нетрудно понять, насколько разрушительным для детской и юношеской психики может стать увлечение подобным «креативным контентом». Автор статьи делает закономерный вывод, что «многие аниме в виде восточных комиксов, именуемых “Манга”, “Манхва”, “Маньхуа” одобряют, поощряют и пропагандируют инцест, педофилию, суицид, убийство родителей и учителей» [2, с. 47].

Реальность угроз, которые несет в себе деструктивная этика японского аниме, нельзя недооценивать [11] [15]. Самым свежим событием, связанным с молодежными группами, ассоциирующими себя с аниме, стали массовые беспорядки с участием так называемого «ЧВК Рёдан» — субкультуры, основанной на аниме «Hunter x Hunter». Участники этих молодежных групп устроили массовые драки в нескольких российских городах — Москве, Новосибирске, Казани, Санкт-Петербурге. Их последователи в феврале 2023 г. проявили себя в Казахстане [28].

Еще одним стратегическим игроком на поле творческих индустрий среднеазиатских государств является Китай. Крупнейший геополитический и геоэкономический проект КНР «Один пояс — один путь», переименованный позднее в «Пояси путь», впервые был озвучен председателем КНР Си Цзиньпином во время посещения Казахстана и Индонезии осенью 2013 г. [25]. Однако работа по гуманитарной подготовке этого грандиозного проекта началась значительно раньше и затронула все государства, находившиеся в то время в сфере планирования будущей китайской инициативы.

В Казахстане уже в 2002 г. была создана совместная Комиссия по сотрудничеству в области культуры и гуманитарной сферы. С этого момента в целях популяризации своей национальной культуры и языка Китай почти ежегодно, в преддверии китайского Нового года, устраивает гастроли художественных коллективов по городам Казахстана: в 2011 г. это был творческий коллектив из Нанкина; в 2012 г. — Хайнаньский ансамбль народной песни и пляски, в 2013 г. — труппа Хунаньского театра оперы и балета [8, с. 63].

В Республике Казахстан регулярно организуются выставки традиционного китай-

ского искусства, Дни культуры Китая. В июле 2022 г. в Нур-Султане состоялось первое после пандемии такое офлайн-мероприятие [7]. В республике ведут работу отделения информационного агентства «Синьхуа», газет «Жэньминь жибао» и «Гуанминь жибао», международного радио Китая, Центрального Телевидения Китая «ССТV», Синьцзянского телеканала (на казахском языке). Отделения ИА «Синьхуа» работают и на русском языке, что увеличивает охват казахской аудитории за счет русскоязычных граждан республики [8, с. 64].

Некоторые исследователи справедливо отмечают, что успешность гуманитарной экспансии Китая основывается на уважении к традиционным культурным устоям государств и народов, с которыми КНР развивает сотрудничество: «сознательный выбор в пользу традиционалистского содержания нарративов “мягкой силы” призван подчеркнуть китайский культурный суверенитет, независимость от западного масскульта. Китай через традиционализм сознательно сделал ставку на уход от острых политических дискуссий, тем самым не только минимизируя риски вербализации неудобных для Пекина сюжетов, но и компенсируя недостаток актуальных идеологических ценностей для внешней аудитории. Объекты китайской “мягкой силы” в Центральной Азии, в отличие от западной аудитории, придерживаются позиций политического суверенитета и отказа от грубого навязывания им чуждых ценностных догм» [19, с. 279]. Особая успешность такой гуманитарной политики Китая отмечается в Казахстане, занимающем место в первой десятке по количеству студентов в китайских вузах.

Однако наибольшее влияние на общественно-политический дискурс и творческие индустрии Республики Казахстан, по мнению экспертов, оказывает «мягкая сила» Российской Федерации [4] [8] [13] [14] [21] [24].

Как уже отмечалось выше, практически всеобщее владение населением Казахстана русским языком предоставляет России исторический шанс восстановить свое дружественное влияние на среднеазиатский регион и обеспечить сохранение единого социокультурно-

го пространства «русского мира». Роль творческих индустрий в решении этой задачи трудно переоценить. Казахская аудитория традиционно с большим интересом относилась к представителям российской эстрады. Многочисленные концерты популярных исполнителей из России пользуются в Казахстане вниманием и интересом. Вместе с тем многие исследователи отмечают, что политика казахстанского руководства, направленная на культурное обособление страны от общего с Россией исторического и культурного наследия, начинает давать свои негативные результаты: «Казахстан проводит жесткую национальную политику — политику “казахизации”, направленную на возрождение “национальных, культурных, языковых ценностей”, усиление роли казахского языка и влияния казахоязычных кадров в государственном управлении. В частности, “сверху” оказывается активная поддержка отечественной эстраде и исполнителям. В силу этого, а также экономического кризиса в последние несколько лет, воздействие российской “мягкой силы” в сфере эстрады снизилось» [13, с. 32].

При этом автор процитированной выше статьи справедливо замечает, что популярность российских исполнителей, которой они до сих пор пользуются в Казахстане, обеспечена не целенаправленными усилиями российского государства в деле популяризации русской культуры, а традиционными и устоявшимися связями отечественных и казахстанских предпринимателей из шоу-бизнеса. Такое благодушное оставление политики «мягкой силы» «на самотек» в условиях острого геополитического противостояния в сфере культуры и смыслов чревато потерей российской творческой индустрией своих лидирующих позиций в креативном секторе Казахстана. Рецепт купирования возникающих на постсоветском пространстве рисков для реализации Россией собственной «мягкой силы» в креативной сфере автор видит создание альтернативы европейским и мировым творческим конкурсам и фестивалям — Евровидению, Евро-Азиатскому Форуму Моды и пр. — и вовлечение в эту орбиту представителей из дружественных и нейтральных стран, и особенно из постсоветских государств, где «стартовые

позиции» для российской культурной экспансии все еще сильны.

Подводя некоторый итог в кратком рассмотрении творческих индустрий Республики Казахстан в контексте геополитики, допустимо сделать ряд выводов.

Во-первых, имеющийся массив доступных источников и литературы свидетельствует о резком обострении конкуренции мировых игроков за влияние на сферу творческих индустрий центрально-азиатских государств вообще и Республики Казахстан в частности. Субъекты «мягкой силы» используют креативный сектор Казахстана для насаждения собственной политической повестки, направленной на расторжение вековых культурных и исторических связей Казахстана с его соседями, в первую очередь, с Российской Федерацией. Внедрение в публичную сферу чуждых традиционной казахской культуре нарративов, попытки дискредитации общей истории и культурного наследия, насаждение в молодежной среде деструктивных практик, образов и этических установок через подконтрольные инструменты индустрии развлечений — эти и подобные им методы широко используются в ментальном противостоянии ведущих держав.

Во-вторых, прочные, на первый взгляд, позиции Российской Федерации в пространстве креативных индустрий Республики Казахстан, обеспеченные главным образом широким распространением русского языка

в стране и историко-культурной близостью, оспариваются и подвергаются эрозии посредством инструментов «мягкой силы» коллективного Запада. Подобная политика недружественных России государств находит определенную поддержку в казахстанских элитах, проводящих целенаправленную политику национального культурного обособления. В среднесрочной перспективе подобная ситуация может привести к утере Российской Федерацией собственных инструментов «мягкой силы» в этой среднеазиатской республике, если не будет реализована государственная программа популяризации и поддержки российской индустрии развлечений, образования, туризма и других творческих индустрий.

Наконец, необходимо признать, что Китайская Народная Республика, также проводящая активную политику по гуманитарному освоению среднеазиатского региона, предлагает Республике Казахстан весьма конкурентную модель творческого сотрудничества, основанную на уважении к нематериальному наследию страны, историко-культурным традициям, вовлечении местной молодежи в образовательные и творческие проекты. Подобная «вежливая и уважительная» гуманитарная экспансия КНР в пространство творческих индустрий Казахстана также создает определенный вызов Российской Федерации, порождая необходимость конкурировать с мощными креативными ресурсами великой восточной державы.

Sergey S. IPPOLITOV

Dr. Sci. (National History),

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage,

Russian State Academy of Intellectual Property;

State Research Institute for Restoration;

Moscow, Russian Federation

nivestnik@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3564-4271

***The Creative Sector of Kazakhstan through the Prism of Geopolitics:
The Soft Power of Cultural Heritage***

Abstract. The article explores the phenomenon of the soft power of global players that use the creative sector of Kazakhstan to impose their own political agenda aimed at breaking the centuries-old cultural and historical ties of Kazakhstan with its neighbors, primarily with the Russian Federation. The source base of the study contains open information of foreign agents of influence operating in the

Republic of Kazakhstan, regulatory acts of the Republic of Kazakhstan, publications of Kazakh scientists, data from national rating agencies of Kazakhstan, Russian statistical sources. The methodological tools were developed taking into account the possibilities of the structural-functional approach, which considers soft power as an integral system with a certain set of parameters and functions, as well as the institutional approach. The author considers activities of international organizations that influence the development of the creative industries of Kazakhstan (British Council and Goethe-Institut) and evaluates the policies of a number of states aimed at developing the cultural space of the republic (USA, Japan). He also studies methods widely used in the mental confrontation of the leading powers: the introduction of narratives alien to the traditional Kazakh culture into the public sphere, attempts to discredit the common history and cultural heritage, planting of destructive practices, images and ethical attitudes in the youth environment through controlled tools of the entertainment industry. The author emphasizes the success in Kazakhstan of humanitarian activities implemented by China and based on respect for the traditional cultural foundations and heritage of the states and peoples with which the PRC is developing cooperation, and considers the events in the field of culture and the humanitarian sphere, carried out by Chinese creative teams in the Republic of Kazakhstan. The author analyzes in detail the impact by the soft power of the Russian Federation on the socio-political discourse and creative industries of the Republic of Kazakhstan. The author concludes that Russia's strong, at first glance, position in the creative industries of the Republic of Kazakhstan is ensured by the wide spread of the Russian language in the country and historical and cultural closeness. Meanwhile, these positions are currently being challenged and eroded through the soft power tools of the collective West. Such a policy of states unfriendly to Russia finds some support among the Kazakhstani elites, who are pursuing a targeted policy of national cultural isolation.

Keywords: state cultural policy, creative industries, cultural heritage, soft power, Kazakhstan, Germany, USA, Japan, China, Belt and Road.

Использованная литература:

1. Азимбаева С. «Мягкая сила» Великобритании в Центральной Азии // *ORIENSS*. 2021. № 11. С. 226–232.
2. Абулгазин Е. С., Макенов Т. К. К вопросу о влиянии японской анимации на подрастающее поколение Республики Казахстан // *Colloquium-Journal*. 2021. № 22-2 (109). С. 46–51.
3. Александров Д., Ипполитов И., Попов Д. «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии. Казахстан // *Россия и мусульманский мир*. 2014. № 2 (260). С. 62–80.
4. Бактыбаева А. Факторы, тормозящие развитие гуманитарного сотрудничества Республики Казахстан и Российской Федерации в ходе евразийской интеграции // *Постсоветские исследования*. 2021. № 5. С. 400–408.
5. Берикбаева А. К. Арт-менеджмент как комплексная система продвижения казахской национальной культуры в условиях глобализации // *Евразийская наука и искусство*. 2019. № 3. С. 50–54.
6. Британский совет [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82 (дата обращения: 25.03.2023).
7. В столице Казахстана прошел День китайской культуры [Электронный ресурс] // *Синьхуа Новости*. 14.07.2022. URL: <https://russian.news.cn/20220714/b14>

References:

1. Azimbaeva, S. (2021) The “Soft Power” of Great Britain in Central Asia. *ORIENSS*. 11. pp. 226–232. (In Russian).
2. Abulgazin, E.S. & Makenov, T.K. (2021) K voprosu o vliyaniy yaponskoy animatsii na podrastayushchee pokolenie Respubliki Kazakhstan [On the Influence of Japanese Animation on the Younger Generation of the Republic of Kazakhstan]. *Colloquium-Journal*. 22-2 (109). pp. 46–51.
3. Aleksandrov, D., Ippolitov, I. & Popov, D. (2014) “Myagkaya sila” kak instrument amerikanskoy politiki v Tsentral’noy Azii. Kazakhstan [“Soft Power” as an Instrument of American Policy in Central Asia. Kazakhstan]. *Rossiya i musul'manskiy mir*. 2 (260). pp. 62–80.
4. Baktybaeva, A. (2021) Factors Hindering the Development of Humanitarian Cooperation Between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation During Eurasian Integration. *Postsovetkie issledovaniya*. 5. pp. 400–408. (In Russian).
5. Berikbaeva, A.K. (2019) Art-menedzhment kak kompleksnaya sistema prodvizheniya kazakhskoy natsional'noy kul'tury v usloviyakh globalizatsii [Art Management as an Integrated System for the Promotion of Kazakh National Culture in the Context of Globalization]. *Vestnik “Evraziyskaya nauka i iskusstvo”*. 3. pp. 50–54.
6. Wikipedia. (2023) *British Council*. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82 (Accessed: 25.03.2023). (In Russian).
7. Xinhua News. (2022) *The Day of Chinese Culture Was Held in the Capital of Kazakhstan*. [Online] Available

388992c1644d7af720a8fb0b9d6d4/c.html (дата обращения: 21.03.2023).

8. Ван Гуанчжэнь, Журавлёва Е. В. Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 60–67.

9. Добринская О. А. Особенности «мягкой силы» Японии в странах Центральной Азии // Япония. 2015. № 44. С. 36–56.

10. Журавлёва Е. В. Прикладной анализ политики «мягкой силы» КНР, РФ и США в Монголии // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 171–192. DOI: 10.17323/19967845-2018-01-10.

11. Иванов Б. Введение в японскую анимацию. М.: Всерос. фонд развития кинематографии, 2001.

12. Илеуова Г. Т. Восприятие населением Казахстана ситуации в сфере культуры // Телескоп. 2011. № 2. С. 25–28.

13. Калитко И. И. Российская эстрада как фактор «мягкой силы» России на постсоветском пространстве (на примере Беларуси и Казахстана) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2020. № 3. С. 29–36.

14. Козлов Г. В. Прикладной анализ влияния на Казахстан политики «мягкой силы» США, РФ и КНР // Постсоветский материк. 2020. № 1 (25). С. 32–61.

15. Коломицкий А. Голая правда об аниме, или Как нами манипулируют [Электронный ресурс] // Библиотека Ihtika. URL: <https://ihtika.ru/book/download/a-kolomitskiy-golaya-pravda-ob-anime-ili-kak-nami-manipuliruyut-2-e-izdanie-2010-pdf> (дата обращения: 21.03.2023).

16. Королёв В. А., Кудрявцева С. С. «Мягкая сила» современной Японии: опыт и направления развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2014. № 2. С. 198–208.

17. Ланьшина Т. А. «Мягкая сила» Гёте-Института // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. № 1. С. 118–142.

18. Лебедева М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО. 2014. № 2 (35). С. 47–55.

19. Махмутова Е. В. Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. № 27. С. 268–283.

20. Мурадян К. А. Организация ЕАЭС как элемент межгосударственного взаимодействия и глобализации // Проблемы науки. 2018. № 3 (27). С. 42–47.

21. Наумов А. О. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс «мягкой силы» современной России // Известия АлтГУ. 2020. № 6 (116). С. 41–45.

22. Оспанова А. М., Сарымсакова А. С. Роль двух мегаполисов: г. Нур-Султан и г. Алматы на рынке креативной индустрии Казахстана // Глобальная экономика в XXI веке: роль биотехнологий и цифровых технологий: сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола с междунар. участием. Москва: Конвент, 2020. С. 95.

23. Официальный сайт Института Гёте [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goethe.de/en/> (дата обращения: 21.03.2023).

from: <https://russian.news.cn/20220714/b14388992c1644d7af720a8fb0b9d6d4/c.html> (Accessed: 21.03.2023). (In Russian).

8. Wang Guangzhen & Zhuravleva, E.V. (2015) Russia's and China's "Soft Power" Policy Towards the Countries of Central Asia (On the Example of Kazakhstan). *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 60–67. (In Russian).

9. Dobrinskaya, O.A. (2015) Osobennosti "Myagkoy sily" Yaponii v stranakh Tsentral'noy Azii [Features of Japan's Soft Power in Central Asian Countries]. *Ezhegodnik Yaponiya*. 44. pp. 36–56.

10. Zhuravleva, E.V. (2018) Applied Analysis of the Soft Power of the PRC, Russia and the U.S. in Mongolia. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*. 13 (1). pp. 171–192. (In Russian). DOI: 10.17323/19967845-2018-01-10

11. Ivanov, B. (2001) *Vvedenie v yaponskuyu animatsiyu* [Introduction to Japanese Animation]. Moscow: Vseros. fond razvitiya kinematografii.

12. Ilevova, G.T. (2011) Vospriyatие naseleniem Kazakhstana situatsii v sfere kul'tury [Perception of the Situation in the Sphere of Culture by the Population of Kazakhstan]. *Teleskop*. 2. pp. 25–28.

13. Kalit'ko, I.I. (2020) Russian Pop Music as a Factor of Russia's "Soft Power" in the Post-Soviet Space (On the Example of Belarus and Kazakhstan). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 3. pp. 29–36. (In Russian).

14. Kozlov, G.V. (2020) Applied Analysis of the Impact of the "Soft Power" Policy on Kazakhstan by the USA, the Russian Federation and China. *Postsovetskiy materik*. 1 (25). pp. 32–61.

15. Kolomitskiy, A. (2010) *Golaya pravda ob anime, ili Kak nami manipuliruyut* [The Naked Truth About Anime, or How We Are Manipulated]. [Online] Available from: <https://ihtika.ru/book/download/a-kolomitskiy-golaya-pravda-ob-anime-ili-kak-nami-manipuliruyut-2-e-izdanie-2010-pdf> (Accessed: 21.03.2023)

16. Korolev, V.A. & Kudryavtseva, S.S. (2014) "Myagkaya sila" sovremennoy Yaponii: opyt i napravleniya razvitiya [Soft Power of Modern Japan: Experience and Directions of Development]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 2. pp. 198–208.

17. Lan'shina, T.A. (2015) "Myagkaya sila" Gete-Instituta [Soft Power of Goethe-Institut]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*. 1. pp. 118–142.

18. Lebedeva, M.M. (2014) "Myagkaya sila" v otnoshenii Tsentral'noy Azii: uchastniki i ikh deystviya [Soft Power in Relation to Central Asia: Participants and Their Actions]. *Vestnik MGI MO*. 2 (35). pp. 47–55.

19. Makhmutova, E.V. (2022) Chinese "Soft Power" in Central Asia: Prospects and Constraints. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 27. pp. 268–283. (In Russian).

20. Muradyan, K.A. (2018) Organizatsiya EAES kak element mezhdunarodnogo vzaimodeystviya i globalizatsii [The EAEU as an Element of Interstate Interaction and Globalization]. *Problemy nauk*. 3 (27). pp. 42–47.

21. Naumov, A.O. (2020) Historical Memory of the Great Patriotic War as a Soft Power Resource of Modern Russia. *Izvestiya AltGU*. 6 (116). pp. 41–45. (In Russian).

22. Ospanova, A.M. & Sarymsakova, A.S. (2020) [The Role of Two Megacities – Nur-Sultan and Almaty – in the Market of the Creative Industry of Kazakhstan]. *Global'naya ekonomika v XXI veke: rol' biotekhnologii i tsifrovyykh tekhnologii* [Global Economy in the 21st Century: The Role of Biotechnologies and Digital Technologies]. Proceedings of the Round Table. Moscow: Konvert. p. 95.

24. Полякова Е. А., Антипова Ю. В. Особенности продвижения ценностей российской культуры в образовательном пространстве азиатских стран // Ученые записки Алтайской государственной академии культуры и искусств. 2021. № 4 (30). С. 27–35.
25. Пояс и путь [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%8F%D1%81_%D0%B8_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C (дата обращения: 21.03.2023).
26. Рынок платного ТВ в Казахстане: невероятная легкость «телебывтия» [Электронный ресурс] // PROFIT. 23.04.2018. URL: <https://profit.kz/articles/13414/Rinok-platnogo-TV-v-Kazahstane-neveroyatnaya-legkost-telebitiya/> (дата обращения: 21.03.2023).
27. Саттарова М. С. Основные направления реализации политики «мягкой силы» США в Центральной Азии // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 171–173.
28. ЧВК Редан в Казахстане [Электронный ресурс] // DTF. URL: <https://dtf.ru/flood/1660449-chvk-redan-v-kazahstane> (дата обращения: 21.03.2023).
29. Чже Сун Хун, Успенская Л. И. Активизация культурного обмена между Республикой Корея и странами Центральной Азии в рамках Евразийской инициативы // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2016. № 6 (90). С. 132–137.
30. Шестаков И. Демарш совета. Британского [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. 2008. № 3 (1420). 16 января. URL: <https://aif.ru/politics/world/1582> (дата обращения: 27.03.2023).
23. *Goethe-Institut*. [Online] Available from: <https://www.goethe.de/en/> (Accessed: 21.03.2023).
24. Polyakova, E.A. & Antipova, Yu.V. (2021) Oso-bennosti prodvizheniya tsennostey rossiyskoy kul'tury v obrazovatel'nom prostranstve aziatskikh stran [Features of Promoting the Values of Russian Culture in the Educational Space of Asian Countries]. *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. 4 (30). pp. 27–35.
25. Wikipedia. (2023) *Poyas i put'* [Belt and Road]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D1%8F%D1%81_%D0%B8_%D0%BF%D1%83%D1%82%D1%8C (Accessed: 21.03.2023).
26. PROFIT. (2023) *Rynok platnogo TV v Kazakhstane: neveroyatnaya legkost' "telebytiya"* [Pay TV Market in Kazakhstan: The Incredible Lightness of "Television"]. [Online] Available from: <https://profit.kz/articles/13414/Rinok-platnogo-TV-v-Kazahstane-neveroyatnaya-legkost-telebitiya/> (Accessed: 21.03.2023).
27. Sattarova, M.S. (2022) Osnovnye napravleniya realizatsii politiki "Myagkoy sily" SShA v Tsentral'noy Azii [The Main Directions of the Implementation of the US "Soft Power" Policy in Central Asia]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 5. pp. 171–173.
28. DTF. (2023) *PMC Redan in Kazakhstan*. [Online] Available from: <https://dtf.ru/flood/1660449-chvk-redan-v-kazahstane> (Accessed: 21.03.2023). (In Russian).
29. Jae Sun Hong & Uspenskaya, L.I. (2016) Aktivizatsiya kul'turnogo obmena mezhdru Respublikoy Koreey i stranami Tsentral'noy Azii v ramkakh Evraziyskoy initsiativy [Activation of Cultural Exchange Between the Republic of Korea and the Countries of the Central Asia Within the Framework of the Eurasian Initiative]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova*. 6 (90). pp. 132–137.
30. Shestakov, I. (2008) Demarsh soveta. Britanskogo [Demarche of the Council. British Council]. *Argumenty i fakty*. 16 January. 03 (1420). [Online] Available from: <https://aif.ru/politics/world/1582> (Accessed: 27.03.2023).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ипполитов, С. С. Творческий сектор Казахстана через призму геополитики: «мягкая сила» культурного наследия / С. С. Ипполитов. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.34.2.006 // Наследие веков. – 2023. – № 2. – С. 77–87. – URL: <http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/548/466> (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ).

Full bibliographic reference to the article:

Ippolitov, S. S. (2023) The Creative Sector of Kazakhstan through the Prism of Geopolitics: The Soft Power of Cultural Heritage. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 77–87. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.34.2.006